

В судебную коллегия по уголовным делам
Амурского областного суда,
675000, Амурская область, г. Благовещенск,
ул. Шевченко, 6

От адвоката Амурского адвокатского бюро
«Международный юридический центр»,
Жамкочяна Карапета Норайровича,
675000, Амурская область, г. Благовещенск,
ул. Мухина, 150, офис № 3, ордер № 5-50
от 06.04.2020 года, сот. тел: 89242222009,
электронная почта: karo-zhamkochyan@mail.ru

по уголовному делу «данные обезличены»,

в интересах:

ФИО «данные обезличены», осужденного
приговором Магдагачинского районного суда
Амурской области от 30.03.2020 года
по ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ,
ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ к
штрафу в размере 360 000 рублей с лишением
специального звания – «майор полиции».

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА

на приговор Магдагачинского районного суда по ч. 3 ст. 159 УК РФ,
ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ

Приговором судьи Магдагачинского районного суда Амурской области от 30 марта 2020 года, осужден «данные обезличены», признанный виновным в совершении преступлений, предусмотренных по ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ, при обстоятельствах, изложенных в приговоре, с назначением наказания по совокупности преступлений, путем частичного сложения назначенных наказаний, в виде штрафа в размере 360 000 (триста шестьдесят тысяч) рублей с лишением звания – «данные обезличены».

В силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства и основан на правильном применении уголовного закона.

Считаю вынесенный приговор незаконным, необоснованным, не справедливым и подлежащим отмене, в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (п. 1 ст. 389.15 УПК РФ) и существенными нарушениями уголовно-процессуального закона (п. 2 ст. 389.15 УПК РФ).

Выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим

обстоятельствам дела, поскольку основаны на противоречивых доказательствах. Суд не вник, не проанализировал и не оценил рассмотренные в суде доказательства с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и не установил непосредственную причинную связь между исследованными в судебном заседании доказательствами и теми обстоятельствами, которые подлежали доказыванию.

В своем приговоре суд также не учел все обстоятельства, имеющие значение для дела и не стал исследовать доказательства, которые могли существенно повлиять на его выводы, а оценил лишь те противоречивые доказательства, которые смысловой и содержательный нагрузки не несли и были выгодны суду в его формальном подходе к вынесению решения на основе собственного мнения, а не закона.

Вместе с тем, допущенные судом существенные нарушения уголовно-процессуального закона, исключили возможность постановления законного и обоснованного приговора и фактически не позволили суду реализовать возложенную на него функцию по осуществлению правосудия.

В соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК РФ анонимное заявление не может служить поводом для возбуждения уголовного дела.

Однако в нарушение ч. 7 ст. 141 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела, в отношении «данные обезличены», послужил рапорт, зарегистрированный: в КУСП УМВД России по Амурской области за «данные обезличены», и в следственном Управлении Следственного комитета РФ по Амурской области за «данные обезличены» (Том-1 л.д. 83), в котором содержится анонимное заявление о преступлении следующего содержания: в ОРЧ СБ УМВД по телефону доверия «данные обезличены», поступила информация от гражданина, назвавшегося «данные обезличены», что в период времени с 2016 по 2018 годы неустановленным руководителем одного из подразделений ОМВД России по Магдагачинскому району под различными предложениями с подчиненных сотрудников вымогались денежные средства.

О том, что уголовное дело возбуждено на основании вышеуказанного рапорта, в котором содержится анонимное заявление о преступлении, свидетельствует постановление о возбуждении уголовного дела (Том-1 л.д. 1-5), где данный рапорт указан, как повод для возбуждения уголовного дела.

Ни смотря на это, суд приходит к необоснованному выводу, что из постановления о возбуждении уголовного дела следует, что основанием для возбуждения уголовного дела помимо данного рапорта, явились результаты проведенных проверок, а не только рапорт, на который указывает сторона защиты.

В данном конкретном случае судья неверно трактует нормы уголовно-процессуального законодательства РФ, подменяя повод для возбуждения уголовного дела основанием для возбуждения уголовного дела, хотя данные понятия обособленные и лишь их взаимоисключающее наличие (повода и основания), является обязательным условием для возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, сторона защиты считает, что анонимное сообщение о преступлении содержащееся в вышеуказанном рапорте, не соответствует действительности, носит заведомо ложный характер и является служебным подлогом, в отношении «данные обезличены» со стороны сотрудников ОРЧ СБ УМВД России по Амурской области с целью незаконного возбуждения уголовного дела и необоснованного привлечения его к уголовной ответственности.

Данный вывод стороны защиты основан на том, что:

-анонимное сообщение о преступлении, за исключением сведений о готовящихся терактах, вообще не регистрируется в книге учета сообщений о преступлении (Инструкция № 736, утвержденная приказом МВД РФ от 29 августа 2014 года) и проверка по ним проводится лишь в рамках оперативно-розыскной деятельности;

-в материалах уголовного дела отсутствуют результаты оперативно-розыскной деятельности, подтверждающие проведение проверки по анонимному сообщению о преступлении;

-первоначальная информация о фактах, незаконных действий со стороны руководства ОМВД России по Магдагачинскому району, поступила в апреле 2018 года и содержалась в рапортах, составленных от имени сотрудников полиции «данные обезличены», однако как ни странно, данные рапорта не стали поводом для возбуждения уголовного дела и бесследно исчезли (ходатайство об установлении их местонахождения следствием и судом оставлены без удовлетворения), а уголовное дело в итоге было возбуждено спустя два месяца на основании анонимного сообщения о преступлении.

Чтобы исключить либо подтвердить, в действиях сотрудников отдела собственной безопасности УМВД России по Амурской области состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ (служебный подлог), стороной защиты были заявлены на следствии и в суде ходатайства об истребовании детализации и записи телефонных звонков с телефона доверия «данные обезличены», однако в обоих случаях они были необоснованно и немотивированно отклонены, а заявления о совершенном преступлении – «служебном подлоге» незаконно оставлены без рассмотрения судебным и следственным органом.

В нарушении ч. 4 ст. 141, ч. 3 ст. 226 УПК РФ судья не внес устное заявление о преступлении в протокол судебного заседания и не вынес частное определение в орган предварительного следствия об обнаружении у иного лица, признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ (служебный подлог).

Вместо этого судья, в приговоре ограничился лишь одной фразой, указав, что рапорт сотрудника правоохранительных органов, не является официальным документом и соответственно не может быть заранее подложным, то есть судья, заранее предрешил исход заявления о преступлении, не обладая при этом соответствующими полномочиями, тем самым поставил под сомнение законность принятого им решения.

Таким образом, оценка подложности данного рапорта и наличия в действиях должностного лица служебного подлога, судом не производилась,

что является существенным нарушением основных принципов справедливости, равенства сторон и свободы оценки доказательств.

Суду следовало исходить из того, что если бы данная информация подтвердилась, все следственные действия, в рамках уголовного дела, могли быть признаны недопустимым доказательством, как и само постановление о возбуждении уголовного дела, что повлекло бы освобождение «данные обезличены», от незаконного уголовного преследования.

В приговоре, не исследовались вышеуказанные обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, что также является нарушением норм действующего уголовно-процессуального законодательства России.

В соответствии с ч. 3 ст. 147 УПК РФ уголовные дела частного-публичного обвинения, к которым относятся преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159 УК РФ, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, при этом предусмотрено исключение для этой нормы закона (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) в том случае, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

В данном конкретном случае, вред причинен сотрудникам ОМВД России по Магдагачинскому району, то есть должностным лицам указанного подразделения, которое входит в систему МВД РФ, а не интересам государственного или муниципального предприятия. То есть, предметом преступлений явилось не государственное или муниципальное имущество, а имущество физических лиц, следовательно данная категория дел, возбуждается, не иначе как по заявлению потерпевших или их законных представителей.

Вместе с тем, ни один из потерпевших, так и не написал заявления о совершенном, в отношении него преступлении, в том числе по ч. 3 ст. 159 УК РФ, все уголовные дела, в отношении обвиняемого были возбуждены, после зарегистрированных рапортов за подписью начальника собственной безопасности «данные обезличены».

Суд первой инстанции, в отсутствии заявлений потерпевших, незаконно признал подсудимого виновным в совершении двух эпизодов преступной деятельности по ч. 3 ст. 159 УК РФ, поскольку они не были возбуждены, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 147 УПК РФ.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, должны быть указаны описание преступления с указанием времени его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в эпизоде преступной деятельности с участием потерпевших «данные обезличены», следователь ошибочно указал время перечисления денежных средств с банковской карты потерпевшего на банковскую карту обвиняемого, как 08

часов 21 минут, поскольку в соответствии с официальным отчетом (выпиской) по счету с банковской карты на имя потерпевшего, предоставленной ПАО «Сбербанк России» (Том-7 л.д. 43), денежные средства последний перечислил на банковскую карту обвиняемого в 02 часа 20 минут 32 секунды по московскому времени, что соответствует 08 часам 20 минут 32 секунд по амурскому времени, но никак не 08 часам 21 минуте.

Таким образом орган предварительного следствия неверно установил и указал в обвинении событие преступления – время совершения преступления, которое относится к обстоятельству подлежащему доказыванию.

Кроме того, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в эпизоде преступной деятельности с участием другого потерпевшего «данные обезличены», следователь не установил точное время совершения преступления, указав, что потерпевший 31.10.2016 года в дневное время, посредством приложения «Сбербанк Онлайн» осуществил перевод на банковскую карту обвиняемого.

Исходя из показаний, данных в суде руководителем внутривидеонаблюдения подразделения № 8636/0176 Дальневосточного банка ПАО «Сбербанк России» «данные обезличены», достоверно установлено, что при наличии полного детализированного отчета операций, можно установить точное время проведения операции – перевода денежных средств, согласно графе «дата транзакции».

Однако следователь, в ходе следствия не стал истребовать из указанного банка полный детализированный отчет операций на имя потерпевшего, чтобы установить точное время проведения операции – перевода денежных средств обвиняемому, тем самым орган предварительного следствия не установил точное время совершения преступления, указав в обвинении дневное время, что не соответствует фактическим обстоятельствам дела.

Согласно ч. 1 ст. 16 УПК РФ обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое он может осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

Под нарушением права обвиняемого на защиту, в том числе понимается, такое изменение обвинения в суде, при котором новое обвинение существенно отличалось бы по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного, то есть если бы это повлекло за собой изменение представлений о времени, месте, способе и других обстоятельствах совершения преступления. Переход к такому новому обвинению в судебном разбирательстве лишает подсудимого возможности и времени на то, чтобы всесторонне обдумать обвинение, избрать оптимальную позицию защиты, заявить ходатайства о получении дополнительных оправдательных доказательств, то есть нарушает его положение с точки зрения реализации права на защиту.

Существенное изменение обвинения с фактической стороны ухудшает положение обвиняемого по критерию нарушения права на защиту не только тогда, когда в результате обвинение становится более тяжким, но даже в том случае, если измененное обвинение становится более мягким (ч. 8 ст. 246 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Исходя из вышеизложенного, суд вопреки ч. 1 ст. 252 УПК РФ вышел за рамки предъявленного органом предварительного следствия обвинения, в части времени совершения преступления, которое следствием в одном случае неверно указано, а в другом вовсе не установлено, что нарушило положение подсудимого с точки зрения реализации права на защиту.

В предъявленном обвинении, имеется ряд и других нарушений уголовно-процессуального законодательства России.

Так, в обвинении не указаны наименования банков отправителей и получателя денег, номера и другие реквизиты платежных поручений, на основании которых потерпевшим были перечислены премии, не указан номер приказа на основании которого потерпевший получил поощрение в виде денежной премии.

Данные обстоятельства, являются событием преступления и подлежат доказыванию в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Следователи, расследовавшие настоящее уголовное дело, возбудили всего четыре уголовных дела по четырем эпизода преступной деятельности, что полностью противоречит предъявленному окончательному обвинению, согласно которому следствие вменило ему 11 эпизодов преступной деятельности, из которых 7 эпизодов преступной деятельности, так и остались не учтенными, то есть они не были в установленном законом порядке, зарегистрированы в книге регистрации сообщений о преступлении и по ним не были приняты решения, в порядке ст. 144-145 УПК РФ, что свидетельствует либо об укрывательстве данных преступлений либо о нарушении установленного законом порядка рассмотрения сообщения о любом совершенном преступлении.

Однако суд первой инстанции проигнорировал вышеуказанный факт и вместо того, чтобы прекратить 7 эпизодов не учтенных преступлений, он прекратил лишь один из них, а оставшиеся 6 эпизодов не учтенных преступлений, незаконно объединил с возбужденными в соответствии с законом 4 эпизодами преступной деятельности, расписав их в приговоре, как продолжаемое преступление, в результате чего необоснованно увеличилось количество потерпевших и сумма причиненного им ущерба, тем самым суд нарушил установленный законом порядок рассмотрения сообщения о совершенном преступлении (ст. 144-145 УПК РФ) и лишил гарантированного обвиняемому права (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) на защиту от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения.

Кроме того, исходя из изложенного в приговоре существа обвинения, сторона защиты приходит к выводу, что все эти 4 эпизода преступления не образуют совокупности преступлений, а совершены единым умыслом и являются одним преступлением, о чем свидетельствует единый способ их совершения, один и тот же состав преступления (однородность деяний), наличие объективной и субъективной связи между этими деяниями, все действия виновного охвачены одной целью – личным обогащением, преступления совершены в короткий промежуток времени.

Таким образом суд первой инстанции, не верно определил объем обвинения, количество потерпевших и сумму причиненного ущерба.

Обращает на себя внимание и тот факт, что никто из допрошенных потерпевших и свидетелей, включая самих обвиняемых, не подтвердили наличия в действиях обвиняемых предварительного сговора.

В обвинении также не указаны место и время их сговора, а указано лишь время и место возникновения их умысла на совершение преступления, что является существенным нарушением п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, согласно которому в постановлении должны быть указаны описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Факт знакомства обвиняемых между собой, их общение в силу рабочих и служебных отношений и не в связи с какой-либо криминальной деятельностью, не является достаточным основанием для вывода о наличии преступного сговора между ними и совершения ими преступления группой лиц.

Вопреки выводам суда, сговор между обвиняемыми не доказан.

В нарушение требований Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» суд при изложении в приговоре существа обвинения не указал конкретные нормы (статью, часть, пункт) Конституции РФ, должностного регламента, Федерального закона «О полиции» и других нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность сотрудников органов внутренних дел, которые превысил обвиняемый, а вменил ему лишь существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства в различных аспектах.

Однако данная формулировка, является общей, в чем конкретно выразился ущерб, причиненный обществу и государству, не разъяснили ни орган предварительного следствия, ни суд.

Не указание в обвинении, в чем выразилась существенность вреда, причиненного правам и законным интересам граждан, общества и государства, создает неопределенность в обвинении, предъявленном обвиняемому, нарушает его право на защиту, поскольку лишает его возможности определить объем обвинения, от которого он должен защищаться.

Все вышеуказанные доводы стороны защиты, суд нашел не существенными, не нарушающими право подсудимого на защиту и не препятствующему вынесению окончательного решения, с чем сторона защиты категорически не согласна.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 237 УПК РФ уголовное дело подлежит возвращению прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в случае, если обвинительное заключение или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или постановления.

Настоящее уголовное дело подлежало возвращению прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку обвинительное заключение и обвинительное постановление (обвинение) составлены с нарушением требований п. 4 ч. 2 ст. 171, п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (в обвинении, в одном эпизоде не верно указано время преступления, а в другом и вовсе оно не указано на ряду с другими событиями преступления, не верно определен объем обвинения и форма вины, не доказан преступный сговор между обвиняемыми и в чем конкретно выразился ущерб, причиненный обществу и государству), что исключало возможности постановления судом приговора, однако суд данные нарушения закона проигнорировал, что повлекло к вынесению незаконного и необоснованного приговора.

Конституционный Суд в своём Определении № 589-О от 21.12.2006 года указал, что требования уголовно-процессуального закона не допускают возможности привлечения лица в качестве обвиняемого, если вменяемые ему деяния, предусмотренные уголовным законом, не подтверждены.

Сторона защиты считает несостоятельными выводы суда о виновности обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях.

В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 года № 55 «О судебном приговоре», выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом.

Как видно из приговора, суд квалифицировав содеянное обвиняемого, как мошенничество и превышение служебных полномочий, не привел в описательно-мотивировочной части приговора мотивов, по которым пришел к выводу о наличии в содеянном обвиняемого признаков вышеуказанных преступлений, не указал в чем заключался обман и какие именно действия, явно выходящие за пределы полномочий, совершил обвиняемый.

В действиях «данные обезличены», отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, поскольку его действия по сбору денег, носили законный характер (без высказывания каких-либо угроз, возможных проблем в будущем, обещаний, преференций и покровительства по службе), передавались по собственному желанию, на добровольной основе и не повлекли нарушения существенных прав и законных интересов граждан, общества и государства, а наоборот благодаря его усилиям была решена существенная проблема с загрязненной водой, поступающей в межмуниципальный отдел органа государственной власти, входящего в структуру МВД России.

Действия «данные обезличены», также не образуют состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, поскольку он никому из потерпевших не сообщал заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения и не вводил в заблуждение потерпевших, относительно своих истинных намерений.

Более того, в его действиях отсутствует обязательный признак любого хищения, в том числе мошенничества – это корыстная цель, поскольку собранные обвиняемым «данные обезличены», от своих коллег по работе на

добровольной основе денежные средства пошли на замену труб ОМВД России по Магдагачинскому району, а не на личные нужды обвиняемого.

«Данные обезличены», заменив старые трубы на новые, решил проблему с загрязненной водой, которая поступала в ОМВД России по Магдагачинскому району, тем самым он создал условия для нормальной работы подчиненных ему сотрудников.

Достоверность вышеуказанных обстоятельств, подтверждают допрошенные в ходе следствия и судебного разбирательства свидетели.

Также данные обстоятельства, подтверждаются следующими документами: счетом на оплату № 455 от 12.09.2017 года (Том-9 л.д. 267), квитанциями от 06.10.2017 года (Том-9 л.д. 268) и 30.12.2017 года (Том-9 л.д. 269) на приобретение материалов в сумме 35 000 рублей и 172 000 рублей, фотографиями (Том-9 л.д. 252-265), сделанными «данные обезличены», во время выполнения работ, протоколом № 28 микробиологического исследования воды (Том-9 л.д. 5-10) и информационным письмом «о направлении ответа» (Том 11 л.д. 189).

Вместе с тем, в материалах уголовного дела, имеется справка от 07.12.2018 года (Том-5 л.д. 50) за подписью заместителя начальника тыла – начальника ООТО УМВД России по Амурской области, которая подтверждает, что бюджетные средства ОМВД России по Магдагачинскому району в 2016-2017 гг. на выполнение работ по замене труб не были предусмотрены и не выделялись.

В 2018 году обвиняемый «данные обезличены», больше ни к кому из сотрудников отдела не обращался с просьбой о передаче ему на добровольной основе денежных средств, что может свидетельствовать о том, что денежные средства в 2016-2017 гг. им собирались исключительно для приобретения материалов и выполнения работ по замене труб в ОМВД России по Магдагачинскому району, а когда уже материалы были приобретены и оплачены, а работы выполнены обвиняемый больше ни у кого из коллег не просил денежные средства, поскольку отпала необходимость в этом.

При этом суд первой инстанции, в своем приговоре согласился с тем, что приведенные стороной защиты вышеуказанные доказательства согласуются между собой и с другими представленными суду доказательствами, сторонами не оспариваются, в связи с чем суд находит их достоверными.

Согласно п. 1 ст. 389.16 УПК РФ приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, если выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, что в силу п.1 ст. 389.15 УПК РФ, является основанием для отмены или изменения приговора.

В силу ч. 2 ст.14 УПК РФ все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу.

Вместе с тем, следует отметить, что показания большинства потерпевших по делу и свидетелей стороны обвинения, не согласуются между собой, носят противоречивый и не последовательный характер, не дополняют друг друга, противоречат фактическим обстоятельствам дела и носят заинтересованный характер.

Оценивая показания потерпевших и свидетелей стороны обвинения, сторона защиты приходит к выводу, что они не подтверждают виновность «данные обезличены», в совершении инкриминируемых ему преступлений, равно как и исследованные судом письменные доказательства и документы.

Так, допрошенная в суде потерпевшая «данные обезличены», сообщила, что не считает, что обвиняемый каким-то образом обманул ее и претензий к нему не имеет. Однако суд первой инстанции данную часть ее показаний вовсе проигнорировал и не привел, в своем приговоре.

Допрошенные в ходе судебного заседания потерпевшие «данные обезличены» сообщили, что обвиняемый их не обманывал, не принуждал, не угрожал, послабления, покровительство и преференции по службе им не предлагал. Они добровольно передали деньги обвиняемому, претензий к нему не имеют, иск не поддерживают.

Вместе с тем, потерпевший «данные обезличены» также заявил в суде, что дал показания против обвиняемого под давлением сотрудников собственной безопасности, которые в случае отказа угрожали ему увольнением по основанию «в связи с утратой доверия».

Факт давления со стороны сотрудников собственной безопасности, в ходе судебного заседания, подтвердили также свидетели (начальник ОМВД России по Магдагачинскому району) и (заместитель указанного отдела).

Однако вышеуказанные доводы остались без внимания суда.

При этом следует отметить, что протоколы допросов всех потерпевших и большинства свидетелей совпадают, практически дословно с их показаниями, приведенными в материалах служебной проверки, в отношении обвиняемого. Чего не могло быть, если бы они были допрошены без воздействия со стороны правоохранительных и следственных органов.

Потерпевший «данные обезличены» в ходе судебного заседания заявил о том, что в отношении него обвиняемый никаких преступных действий совершено не было, претензий к нему не имеет, иск не поддерживает, однако ни смотря на это, суд пришел к необоснованному выводу, что это не имеет значения для квалификации содеянного.

Потерпевший «данные обезличены» пояснил в суде, что лично обвиняемый с ним никогда не беседовал на тему передачи добровольных пожертвований на нужды отдела и никогда не принуждал, не угрожал, послабления, покровительство и преференции по службе ему не предлагал. Денежные средства он лично обвиняемому никогда не передавал.

Допрошенный в ходе судебного заседания потерпевший «данные обезличены» пояснил, что обвиняемый не принуждал, не угрожал, послабления, покровительство и преференции по службе ему не предлагал.

Допрошенный по обстоятельствам дела потерпевший «данные обезличены» пояснил в суде, что добровольно передал деньги обвиняемому и если они действительно пошли на нужды отдела, то обмана со стороны последнего не было.

Следует также отметить, что суд первой инстанции безосновательно оставил без выяснения вопрос о том, что если обвиняемый не обманывал потерпевших, не принуждал, не угрожал, послабления, покровительство и

преференции по службе им не предлагал, то в чем выразились его незаконные и противоправные действия, в отношении указанных лиц.

Вместе с тем, показания потерпевших «данные обезличены» данные против обвиняемого по просьбе свидетеля «данные обезличены», испытывающего неприязненные отношения к последнему, не могут быть положены в основу решения суда, поскольку основаны на противоречивых доказательствах и даны под влиянием заинтересованного в исходе дела лица свидетеля.

При этом по эпизодам преступной деятельности от 30.12.2016 года и от 31.12.2016 года, никто не может подтвердить факт передачи потерпевшим денежных средств обвиняемому. В материалах уголовного дела, кроме показаний этих потерпевших нет ни одного доказательства (свидетелей передачи денег, оперативно-розыскных мероприятий, видеосъемки и аудиозаписи), объективно подтверждающих данные факты.

Вопреки доводам суда, данные сведения не соответствуют действительности, являются ничем не подтвержденными, голословными обвинениями вышеуказанных лиц.

Из показаний свидетеля «данные обезличены», данных им в ходе судебного заседания установлено, что находясь в командировке в п. Магдагачи, он отобрал объяснения от потерпевших о противоправных действиях обвиняемых, после чего вернувшись из командировки им был написан рапорт об обнаружении признаков преступления, зарегистрированный в КУСП и материал этот направлен в следственный комитет. Про рапорт с анонимным заявлением о преступлении и о рапортах потерпевших ему ничего не известно.

Данные показания свидетеля противоречат фактическим обстоятельствам дела и не согласуются с исследованными судом письменными доказательствами и документами.

То есть на сегодняшний день, в материалах уголовного дела, имеются существенные противоречия о рапортах и источнике информации, из которого изначально стало известно о совершенных преступлениях одним из руководителей ОМВД России по Магдагачинскому району. Данные противоречия судом не устранены.

Вместе с тем, приведенные в приговоре суда показания свидетеля «данные обезличены», что никакого разговора между ним и обвиняемым, в неофициальном порядке о необходимости проведения ремонтных работ системы водоснабжения не было, не соответствуют действительности.

Вопреки доводам суда, свидетель «данные обезличены» подтвердил во время следствия и суда данный разговор с обвиняемым и прямо заявил, что именно обвиняемый решил проблему с загрязненной водой, поступающей в отдел полиции.

Исходя из приговора суда и изученных материалов дела, стороне защиты не понятно на основании чего орган предварительного следствия отдал предпочтение показаниям потерпевших и свидетелей обвинения, и отверг показания обвиняемого, свидетелей стороны защиты и письменные доказательства, представленные последними.

Выводы суда, что собранные в сентябре – декабре 2016 года, с потерпевших денежные средства были использованы подсудимым в личных

целях и по своему усмотрению, а не на проведение ремонта в отделе, как об этом указывает подсудимый противоречат не только фактическим обстоятельствам дела, но и предоставленным стороной защиты доказательствам.

При этом ни в ходе следствия, ни в ходе судебного разбирательства не было установлено, каким образом подсудимый распорядился похищенными денежными средствами, если хищение имело место быть, а ходатайство об установлении данного факта следственно-оперативным путем было необоснованно отклонено следователем.

Суд в должной мере в своем приговоре не проанализировал, не исследовал и не дал надлежащую оценку показаниям потерпевших, свидетелей и письменным доказательствам, что повлекло вынесение незаконного и необоснованного приговора.

С учётом изложенного сторона защиты приходит к выводу, что суд первой инстанции в нарушение ст.ст. 87, 88, 271, 284 УПК РФ не произвёл надлежащее исследование доказательств с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а также путём сопоставления их друг с другом в условиях гласности и состязательности сторон.

В целях проведения объективного и беспристрастного уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальным законом, предусмотрены некоторые обстоятельства, при которых его участники – судья, прокурор, следователь, дознаватель – подлежат устранению из процесса.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УПК РФ следователь не может участвовать в производстве по уголовному делу, в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела.

К «иным обстоятельствам» могут быть отнесены родственные связи между следователем и надзирающим прокурором; конфликт интересов; неприязненные отношения следователя, руководителя следственного органа или их родных и близких людей к обвиняемому; а также любые другие обстоятельства, вызывающие сомнения в беспристрастности следователя.

Следователь, проводивший предварительное расследование по настоящему уголовному делу не мог по определению являться беспристрастным лицом, поскольку находился в прямом подчинении руководителя следственного органа, являющегося близким другом свидетеля, испытывающего неприязненные отношения к подсудимому и склонившего потерпевших к написанию рапортов и дачи показаний против него, что ставит под сомнение беспристрастное, объективное и справедливое разбирательство по делу в указанном следственном подразделении и свидетельствует о заинтересованности непосредственного руководителя следователя, в чем производстве находилось настоящее уголовное дело в исходе дела, учитывая еще тот факт, что именно руководитель следственного органа дает согласие о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору.

При таких обстоятельствах, не исключено, что следователь занял исключительно обвинительную позицию по делу, то есть был заинтересован в исходе дела, в пользу потерпевшей стороны, что противоречит ч. 1 ст. 15,

ч. 1 п. 2 ст. 6 УПК РФ, согласно которым уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон и имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Поскольку председательствующий судья отказал в удовлетворении всех ходатайств стороны защиты и «закрыв глаза» на все существенные нарушения закона, судебный процесс, как и предварительное следствие по делу оказалось не состоятельным и с явным обвинительным уклоном.

Сторона защиты полагает, что суд нарушил требования ст. 49 Конституции РФ, лишив обвиняемого права на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, поскольку судья открыто высказывался до вынесения приговора о виновности обвиняемого в совершении инкриминируемых ему преступлений, прямо заявив на втором судебном заседании, что если обвиняемый брал денежные средства с подчиненных ему сотрудников, значит он уже совершил преступление и не важно на какие цели и нужды, он потратил эти деньги.

О явном нарушении следователем и судом права на защиту и принципа состязательности сторон, свидетельствует также: отказ в вызове и допросе всех заявленных стороной защиты лиц, отказ в истребовании и приобщении документов, имеющих значение для дела, отказ в проведении ряда экспертиз, отказ в вынесении частного определения и отказ в удовлетворении большинства ходатайств, заявленных стороной защиты.

Следует также отметить, что сравнивая описательно-мотивировочные части обвинительного заключения и приговора суда, показания потерпевших, свидетелей и другие доказательства по делу, сторона защиты приходит к выводу, что приговор суда во многом позаимствован с обвинительного заключения.

Такой судебный акт не может считаться законным в силу положений ст. 297 УПК РФ. Это дает основания признать, что выводы суда об установлении фактических обстоятельств преступного деяния заранее были предрешены выводами органов предварительного следствия, а исследование доказательств в суде было лишено какого-либо смысла, что противоречит принципу свободы оценки судом доказательств, предусмотренному ст. 17 УПК РФ.

Суд первой инстанции нарушил и право стороны защиты на ознакомление с протоколом судебного заседания. В ходе рассмотрения дела председательствующий систематически уклонялся от выдачи участникам судопроизводства со стороны защиты, копий частей данного документа и выписок из него. После вынесения приговора стороне защиты и вовсе не была предоставлена копия протокола судебного заседания, в связи с чем сторона защиты не может быть уверена в достоверности содержащихся в приговоре сведений и показаний. Также сторона защиты, в связи с этим, лишена возможности принести замечания на протокол судебного заседания.

Таким образом, протокол судебного заседания не отвечает требованиям п.п. 6, 10, 11 ч. 3 и ч. 6, 7 ст. 259 УПК РФ.

Удовлетворяя гражданские иски потерпевших, суд допустил нарушения норм материального права, в виду того обстоятельства, что согласно ст. 1069 ГК РФ, вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) должностных лиц государственных органов, возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации.

Поскольку обвиняемый на момент совершения, инкриминируемых ему преступлений, являлся действующим сотрудником органов внутренних дел, гражданский иск потерпевших должен быть удовлетворен за счет средств казны Российской Федерации.

Решение суда о необходимости назначения подсудимому в качестве дополнительного наказания, лишение специального звания – «данные обезличены», нарушает требования п. 4 ст. 307 УПК, поскольку судом не мотивировано и подлежит исключению из приговора.

Как предусмотрено ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, постановляется он лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.

Указанные положения закона по данному уголовному делу должным образом судом не выполнены.

Сторона защиты считает, что суд в приговоре исследовал лишь версию обвинения и не дал никакой оценки доводам защиты, а все существенные нарушения судом требований уголовно-процессуального закона, лишили гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, в том числе на справедливое судебное разбирательство и повлекли к вынесению незаконного и необоснованного приговора.

С учетом вышеизложенного, прошу обвинительный приговор суда первой инстанции отменить и вынести оправдательный приговор.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. ст. 389.1 - 389.4, 389.6, 389.15, 389.16, 389.17, 389.20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации,

ПРОШУ:

1. Обвинительный приговор Магдагачинского районного суда Амурской области от 30.03.2020 года по ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 1 ст. 286 УК РФ, в отношении осужденного «данные обезличены» отменить и вынести оправдательный приговор.

2. Разрешить вопрос об участии осужденного «данные обезличены», в судебном заседании суда апелляционной инстанции.

3. В подтверждение приведенных в жалобе доводов и на основании ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ исследовать доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), а именно:

-истребовать и исследовать детализацию звонков с телефона доверия 59-41-30 за 24.05.2018 года и 25.05.2018 года, чтобы исключить либо подтвердить подложность рапорта и указанных в нем сведений об анонимном заявлении о преступлении;

-допросить в качестве свидетеля «данные обезличены» об обстоятельствах составления им рапорта об обнаружении признаков преступления, зарегистрированного в КУСП УМВД России по Амурской области за «данные обезличены» и подлинности сведений, указанных в данном рапорте;

-истребовать и исследовать полный детализированный отчет операций из внутривидеоструктурного подразделения № 8636/0176 Дальневосточного банка ПАО «Сбербанк России» на имя потерпевшего «данные обезличены», чтобы установить точное время проведения операции – перевода денежных средств обвиняемому, то есть, чтобы установить точное время совершения преступления;

-допросить в качестве свидетеля бывшего начальника УМВД России по Амурской области об обстоятельствах состоявшегося разговора между ним и свидетелем и выяснить действительно ли последний передал ему рапорта от имени свидетелей «данные обезличены» о незаконных действиях обвиняемого и где данные рапорта находятся в настоящее время, истребовать и приобщить их к материалам уголовного дела.

Невозможность представления этих доказательств в суд первой инстанции была обусловлена тем, что суд первой инстанции неправильно определил круг обстоятельств, подлежащих доказыванию и необоснованно отказал стороне защиты в удовлетворении данных ходатайств, которые могли бы иметь существенное значение для решения вопроса о не виновности осужденного, в инкриминируемых ему преступлениях и подтвердить факт незаконного возбуждения основного уголовного дела, в отношении последнего.

Приложение:

-документ, подтверждающий полномочия адвоката - ордер № 5-51 на 1 листе.

Адвокат
07.04.2020 года

К.Н. Жамкочан